

Философская мысль

Правильная ссылка на статью:

Егоров С.Ю. Специфика (не)намеренных искажений при трансфере политических языков из англоязычных дискуссий в Россию (на примере Лозаннского Соглашения) // Философская мысль. 2025. № 8. DOI: 10.25136/2409-8728.2025.8.72639 EDN: WVNBGW URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72639

Специфика (не)намеренных искажений при трансфере политических языков из англоязычных дискуссий в Россию (на примере Лозаннского Соглашения)

Егоров Сергей Юрьевич

ORCID: 0000-0001-8512-400X

доктор права, профессор, проректор по научной работе Московского налогового института

123308, Россия, г. Москва, ул. 3-Я хорошевская, 2

✉ sergeyyuegorov@gmail.com

[Статья из рубрики "Философия религии"](#)

DOI:

10.25136/2409-8728.2025.8.72639

EDN:

WVNBGW

Дата направления статьи в редакцию:

09-12-2024

Аннотация: В статье рассматривается вопрос об искажениях, которые претерпевают политические языки при их переносе из англоязычных протестантских дискуссий в русскоязычные. В качестве материала для рассмотрения выступает текст Лозаннского Соглашения 1974 года – одного из наиболее значимых протестантских документов XX века, а также его официальный перевод на русский язык, опубликованный в 2011 году. Джон Стотт и его соавторы по первоначальному тексту стремились выразить свое мнение по большинству наиболее дискуссионных вопросов, затрагивающих как сугубо богословскую, так и политическую проблематику. Благодаря их усилиям был создан указанный документ, послуживший основой для развития современного протестантского богословия, в том числе политического. Ответственные за перевод, напротив, посредством своих действий сглаживали все спорные аспекты, а в некоторых случаях прибегали к существенным заменам наиболее «проблемных» на их взгляд фрагментов текста. Следствием этого стало существенное отдаление друг от друга не только двух версий одного текста, но и связанных с ними дискуссий в соответствующих языковых

контекстах. Данный документ позволяет проследить искажения, которым подвергаются идиоматические выражения при их переносе из одного языкового контекста в другой. В рамках подхода Кембриджской школы для этого требуется изучение исторического контекста возникновения и публикации текстов, реконструкция основных идиом, а также выявление и интерпретация языковых жестов и политических ходов, совершенных их авторами. В ходе проведения исследования были всесторонне изучены 19 языковых версий указанного документа, что позволило получить целостную картину развития протестантских дискуссий в различных языковых пространствах. Благодаря детальному анализу Лозаннского Соглашения на английском и русском языке, а также сравнению с другими существующими на сегодняшний день переводами и привлечению широкого корпуса вспомогательной литературы автор настоящей статьи показывает, как формально идентичный текст фактически превращается из амбициозного политического послания в более нейтральную конфессиональную декларацию. Исследование показало, что основные искажения при переносе указанных языков из англоязычных дискуссий в Россию связаны не с их непереводаемостью, а преимущественно с традиционалистскими взглядами переводчиков и нежеланием упоминать проблемные с их точки зрения вопросы.

Ключевые слова:

Лозаннское Соглашение, история понятий, Кембриджская школа, Всеобщее Священство, Лозаннское Движение, политическое богословие, протестантизм, практическая теология, историческая теология, теоретическая теология

Появление в европейской публичной дискуссии «95 тезисов» и ряда последующих текстов Мартина Лютера произвело эффект сразу в двух пространствах – богословском и политическом. Сам Лютер, как и другие мыслители Европейской Реформации, считал своей целью возвращение к «подлинному учению» Иисуса Христа и изначально не собирался начинать реформы и сопутствующую им политическую борьбу. Тем не менее, тексты профессора Виттенбергского университета были перенесены в политический контекст, что в конечном счете привело к масштабному обновлению Церкви, а также побудило значимые политические преобразования во многих государствах мира [\[1\]](#). Последователи Мартина Лютера начали массово появляться в России уже в первой четверти XVI века – на заре эпохи Реформации. Тем не менее, влияние переселенцев и принесенных ими идей имело значительно менее заметные последствия, нежели в других странах Европы. В связи с различиями в политическом значении богословских языков в разных дискуссиях представляется интересным выяснить сохраняют ли протестантские богословские языки свою политическую перспективу при их переносе из первоначального пространства в российский контекст?

Проблема трансфера политических языков видится особенно актуальной в современных научных дискуссиях в связи с активной полемикой недавних лет [\[2\]](#). Помимо преимущественно теоретических изысканий важную роль в этих обсуждениях играют различные эмпирические исследования, позволяющие проследить как ресурсы той или иной методологии, так и влияние тех или иных западных языков и идиом на российскую политическую культуру [\[3; 4; 5; 6; 7\]](#). События времен Реформации были рассмотрены в рамках многочисленных исследований представителей различных дисциплин [\[8; 9; 10\]](#). Представляется целесообразным обратиться к менее изученным сюжетам, связанным с международными протестантскими дискуссиями и осуществить нарративный анализ

соответствующих материалов. Подходящим примером может служить Лозаннское Соглашение, которое было утверждено участниками Международного конгресса по всемирной евангелизации, состоявшегося в швейцарском городе Лозанна в 1974 году и собравшего делегации из более чем 150 государств [\[11, с. 334\]](#). Дж. Кэмерон (Cameron J.) [\[12\]](#), А. Финстуэн (Finstuen A.) [\[13\]](#), А. Чапмен (Chapman A.) [\[14\]](#) и другие авторы рассматривали роль Соглашения в западных богословских и политических дискуссиях, однако проблематика переноса соответствующих языков в Россию все еще почти не изучена.

Текст Лозаннского Соглашения, ставшего одним из самых важных документов современного протестантизма, был составлен Джоном Стоттом (John Stott) – англиканским священнослужителем и общественно-политическим деятелем, капелланом королевы Великобритании, которого журнал «Time» называл одним из наиболее влиятельных людей мира. Джон Стотт не только подготовил текст Лозаннского Соглашения, но и в целом инициировал Лозаннский Конгресс вместе со своим другом и соратником Билли Грэмом (Billy Graham) [\[15, с. 45\]](#) – американским евангелистом, советником нескольких президентов США, которого также неоднократно называли одним из наиболее значимых людей XX – начала XXI века [\[9, с. 3\]](#). Соглашение было составлено и утверждено на английском языке, а в последующие годы переведено на многие другие языки, в том числе на русский язык к 2011 году. Благодаря усилиям многочисленных представителей Лозаннского комитета по всемирной евангелизации, образованного по решению Лозаннского Конгресса, составленное Соглашение получило распространение в протестантских сообществах по всему миру. Как и значимые тексты времен Европейской Реформации, Лозаннское Соглашение не осталось лишь декларацией веры, но оказало влияние на различные сферы жизни [\[14\]](#).

1. «Правила чтения» Лозаннского Соглашения

Принятая в том или ином сообществе система символических смыслов задает особые «правила чтения» текста, обсуждения и легитимации политических аргументов, интерпретации содержания послания и значения речевых жестов [\[16\]](#). В случае с Лозаннским Соглашением и его официальным переводом на русский язык таких контекстов было как минимум два – преимущественно западное англоязычное протестантское сообщество конца третьей четверти XX века и русскоязычное протестантское движение начала второго десятилетия XXI века. В первом случае речь шла о радикальном пересмотре глобального мироустройства и влияния Церкви на новый мировой порядок. Это предполагало в том числе раскаяние в «глобальной культурной экспансии» и пересмотр «христианского долга» общественно-политического участия в развитии мира. Во втором случае подготовка и публикация канонического перевода Лозаннского Соглашения обозначали значимый шаг на пути мировой интеграции русскоязычного протестантского сообщества. Англоязычный текст Соглашения был доступен в России уже вскоре после его утверждения, однако на русский язык были переведены лишь небольшие фрагменты документа [\[17, с. 76\]](#), что определяло специфику знакомства с ним.

Важную роль в понимании «правил прочтения» Лозаннского Соглашения играет рассмотрение процессов подготовки и публикации этого документа – как первоначального, так и переводного [\[16\]](#). Лозаннскому Конгрессу предшествовало несколько международных мероприятий и дискуссий различного формата, на которых были выработаны основные идеи, легшие в основу последующего документа. Джон Стотт

занял позицию руководителя редакционного комитета, в который также входили Хадсон Армердинг, Самуэль Эскобар, Лейтон Форд и Джеймс Дуглас. Комитет сформулировал проект текста соглашения и разослал его всем участникам Конгресса за несколько месяцев до начала [\[8, с. 65-66\]](#). В ответ были получены отзывы, послужившие основой для подготовки новой редакции, которую обсуждали и уточняли на протяжении всего времени Конгресса. В итоге была принята согласованная редакция Соглашения, ставшая каноничной версией англоязычного текста. Несмотря на коллективное участие в подготовке Лозаннского Соглашения, в нем довольно сильно прослеживаются авторский стиль и интенции Джона Стотта, многие из которых были уточнены им самим в обзорном комментарии на текст.

Процедура создания переводов Лозаннского Соглашения была во многом похожа на то, как создавали и утверждали официальный англоязычный текст. Церкви, действующие на территории постсоветских государств, в соответствии со структурой Лозаннского Движения относятся к региону Евразии, в рамках которого было проведено несколько коллективных встреч, называемых Лозаннскими Консультациями. В повестки Консультаций были включены самые разные вопросы, однако проблематика подготовки и согласования канонического перевода Лозаннского Соглашения ни разу не была вынесена в качестве отдельного значимого пункта. Свидетельства обратного не обнаруживаются ни в публикациях, ни в личном общении со значимыми участниками этих встреч. Фактически текст перевода был подготовлен самостоятельно ответственным за Евразию региональным директором Лозаннского Движения, ректором УЕТС Анатолием Глуховским и его помощниками, а затем опубликован на официальном сайте Движения. В итоге Лозаннское Соглашение, выражающее протестантское мировоззрение в формулировках Джона Стотта [\[14, с. 141\]](#), уточненных многочисленными участниками Лозаннского Конгресса 1974 года, при переводе на русский язык подверглось преобразующему влиянию взглядов команды переводчиков на политическую и религиозную ситуацию в Евразии.

Стоит отметить, что и само название документа в значительной степени влияет на специфику его прочтения. В англоязычном заголовке стоят слова «Lausanne Covenant», звучание которых предполагает определенную языковую игру. Слово «Covenant» может быть использовано и для обозначения некоего «соглашения», и для звучащего сакрально «Завета», например, «Нового Завета» (New Covenant). Джон Стотт в комментарии 1975 года писал, что слово «Covenant» было использовано не в «техническом, библейском смысле», а для обозначения юридически обязывающего договора (binding contract). Там же он провел аналогию с религиозно-политическим договором XVII века между английским парламентом и Шотландией, известным под названием «Solemn League and Covenant». Отсылка к этому документу содержится и в заключительном разделе Лозаннского Соглашения, включающем слова «мы вступаем в «a solemn covenant» с Богом и друг с другом». Подобный прием позволил Джону Стотту, с одной стороны, закрепить связь религиозного и политического, а с другой, подчеркнуть сакральный статус подобных специфических взглядов, подвергшихся обширной критике оппонентов [\[14, с. 138-140\]](#).

Варианты трактовок названия «Lausanne Covenant», возникших в последующих дискуссиях, можно объединить в две группы. Англоязычные комментаторы документа, в том числе Кристофер Райт, международный директор основанного Джоном Стоттом «The Langham Partnership», склонны указывать на библейскую аналогию «Lausanne Covenant», сравнивая его с Ветхим и Новым Заветом. Переводчики же, напротив, чаще всего ориентируются на более светскую версию прочтения. В переводе документа на

русский язык, опубликованном на официальном сайте Лозаннского Движения, используется термин «Соглашение». В русскоязычных протестантских дискуссиях наиболее употребительным термином является «Лозаннское Соглашение», а вторым по популярности – «Лозаннский Договор». Намного реже можно встретить словосочетание «Лозаннский Завет». Кроме того, из перевода исчезла связка названия и заключительного раздела «Covenant / a solemn covenant», которая в русской версии приобрела вид «Соглашение / торжественный союз». Стоит отметить, что в переводах на другие языки это связка представлена по-разному, от испанской версии «Pacto / un pacto solemne», до французской «La déclaration / une alliance solennelle»^[4].

2. Основные понятия Лозаннского Соглашения

Лозаннское Соглашение было утверждено Международным конгрессом по всемирной евангелизации, в связи с чем основным источником заимствования идиом стали языки протестантского богословия и церковной практики. Лозаннский Конгресс позиционировался в качестве более ортодоксальной альтернативы Всемирному Совету Церквей, созданному в 1948 году и объединившему различные протестантские, католические и православные церкви ^[14, с. 138]. Всемирный Совет Церквей подвергался активной критике радикальных консерваторов, обвинявших его в излишнем внимании к политическим и социальным вопросам. Чтобы избежать подобной критики авторы Лозаннского Соглашения постарались использовать в своем тексте множество подчеркнуто конфессиональных идиоматических выражений. Так, например, уже упомянутый «Covenant» был использован Джоном Стоттом как в смысле изложения воли Бога, так и в значении государственно-конфессионального договора об установлении вероучения и правил церковной деятельности, в том числе в политической сфере. Не менее значимым было слово «дух», которое чаще всего употреблялось в имени «Дух Святой», но применялось и по отношению к различным направлениям церковного служения, а после закрепилось в словосочетании «дух Лозанны» ^[8, с. 68].

Вводным понятием Лозаннского Соглашения стало «Поручение Христа», известное также как «Великое Поручение» (Great Commission). Само по себе идиоматическое выражение не является изобретением Джона Стотта, однако его привлечение в документ было важным ходом, усиливающим двойственное звучание «Завета». В комментарии к Соглашению Стотт упоминает оба словосочетания вместе, говоря, что Царство Божие является единственной «мировой империей», к которой должны стремиться христиане – «послы Иисуса Христа», исполняющие «Великое Поручение». «Великое Поручение» стало одним из ключевых словосочетаний в последующих документах Лозаннского Движения, наравне с «Наибольшей Заповедью» (Great Commandment) и «Мандатом Творения» (Creation Mandate)^[4]. Инновацией в использовании «Великого Поручения» было соположение миссионерских задач («благовестия») с задачами общественно-политической активности, как в основном тексте, так и в комментарии. Подобное объединение вызвало напряжение в рядах сторонников фундаменталистских взглядов, что усилило опасения относительно возможности сохранить единство в Лозаннском Движении. Джон Стотт, однако, смог настоять на сохранении своей трактовки и в Соглашении, и в последующих официальных документах Лозаннского Движения ^[14, с. 138-145].

В русскоязычном переводе Лозаннского Соглашения идиоматическое выражение «Поручение Христа» было сохранено. Существовавшее в оригинале обозначение связи между благовестием и общественно-политической активностью формально осталось,

однако фактически было подвергнуто некоторым изменениям. Авторы протестантских текстов традиционно подкрепляют свои рассуждения ссылками на стихи Священного Писания. Это проявляется как в форме прямого цитирования, так и в виде указания конкретных книг, глав и стихов Библии. В Лозаннском Соглашении был применен второй способ – в конце каждого раздела документа перечислено несколько мест Писания, прочтение которых должно прояснить идею основного текста. В русскоязычной версии в разделах «1. Божья цель» и «3. Уникальность и универсальность Христа» ссылки приведены в сокращенной версии, исключающей ряд фрагментов, в которых говорится о необходимости «идти в мир» для создания «народа Божьего». Подобная избирательность присутствует только в переводе текста на русский язык. В других официальных версиях документа все ссылки сохранены в первоначальном виде, за исключением французского и португальского переводов, где были удалены полностью все примечания [\[24\]](#).

Особого внимания заслуживает словосочетание «мужчины и женщины», которое в тексте Лозаннского Соглашения играет не только техническую, но и смысловую роль. Эти слова встречаются в нескольких разделах, а основное раскрытие получают в пункте 5, повествующем о социальной ответственности христиан. Там приведено достаточно развернутое указание на недопустимость любых форм дискриминации мужчин и женщин со стороны священнослужителей и других верующих. Несмотря на то, что уже в первой главе книги Бытия используется такая парная языковая конструкция, наиболее часто в церковных текстах применяется обобщающий термин «человек». Решение Джона Стотта указывать «мужчин и женщин» позволило ему сделать сразу три смысловые отсылки. Первая из них – указание на возвращение к «истокам христианской веры», особенно ценное в протестантских сообществах на всем протяжении их существования. Вторая отсылка – копирование риторики Устава Организации Объединенных Наций и иных международных договоров новейшего времени, определивших политическое устройство мира. И, наконец, в качестве третьей отсылки можно назвать ответ на дискуссии о равенстве полов, в котором сторонники фундаменталистских взглядов придерживались противоположных позиций [\[4\]](#).

При переносе идей о всеобщем равенстве из англоязычного документа в другие языковые контексты часть смыслового пласта была утрачена. В русском тексте Лозаннского Соглашения под редакцией Анатолия Глуховского нет ни одного упоминания слова «женщина» или синонимичного ему понятия. Во всех случаях употребления парных конструкций были использованы обобщающие термины «человек» и «человечество», которые позволили сохранить лишь одну из трех отсылок и устранили дополнительное политическое звучание Соглашения. Стоит отметить, что подобная ситуация наблюдается и в других переводах – прямые упоминания женщин полностью отсутствуют в канонических текстах на арабском, голландском, датском, китайском, корейском, литовском, немецком, норвежском, португальском, финском, французском, шведском и японском языке. Парная языковая конструкция была сохранена лишь в переводах на индонезийский, испанский, итальянский и персидский язык. Что касается русскоязычного протестантского сообщества, то к моменту подготовки перевода в нем заметно усилились сторонники радикально консервативных взглядов, ответом на что стала попытка сделать перевод максимально нейтральным [\[20; 21; 22\]](#).

3. Доктрина «Всеобщего Священства» в тексте Лозаннского Соглашения

Одним из значимых результатов публикации текста Лозаннского Соглашения стала актуализация доктрины «Всеобщего Священства» в протестантских дискуссиях, в том числе в перспективе рассмотрения политической проблематики. Эта доктрина возникла

во времена Европейской Реформации и имела значимые социально-политические последствия. Мартин Лютер, один из лидеров Реформации, в своих трудах писал, что все верующие посредством крещения обретают право называться и быть священниками. Подобное утверждение устраняло сакральную границу между клириками и мирянами, а также заставляло переосмыслить все виды деятельности с позиции служения Богу [1, с. 20-22]. В последующие века значение доктрины постепенно менялось – от руководства к действию до совокупности сакральных формул, время от времени произносимых в дежурном порядке. Стоит отметить, что непосредственно в Лозаннском Соглашении отсутствует прямое название доктрины, хотя ее содержание можно довольно легко проследить на протяжении всего текста. Джон Стотт заложил в Соглашение основные идеи, которые получили развитие и соответствующую маркировку (the priesthood of all believers) в итоговом документе Второго Конгресса – Манильском Манифесте 1989 года [4].

Наиболее ярким образом идеи доктрины «Всеобщего Священства» были отражены в разделе 11 «Образование и лидерство». Там отмечено, что программы богословского образования являются принципиально необходимыми для всех церковных лидеров – пасторов и мирян (for pastors and laity). В своем комментарии к Лозаннскому Соглашению Джон Стотт явно подчеркнул эту связку, указав на недопустимость любых проявлений клерикализма – подавления мирян священниками. Выравнивание в правах всех активных верующих было, с одной стороны, возвращением к идеям мыслителей времен Реформации и к устройству Ранней Церкви, а с другой стороны, признанием фактического неравенства среди членов церковных общин и существования жесткой иерархичности в отношении к разным видам служения христиан [24]. Раскрытию этого были посвящены последующие документы Лозаннского Движения, указывающие на недопустимость возвращения в Церковь идей о преобладании клириков над мирянами, а также любых форм активности внутри церковной общины над служением «вне церковных стен», в том числе в рамках светских профессий.

При переводе раздела про лидерство и богословское образование на другие языки его семантика была сохранена практически во всех вариантах, за исключением литовского и русского. В литовском переводе в числе лидеров были указаны пасторы и другие служители (pastorių ir kitų tarnautojų). В данном случае слово «laity» было заменено не на «pasaulietis», обозначающее нерукоположенных членов общины, а на «служители» (tarnautojų), которым обозначают всех активных членов церкви. В русскоязычном тексте изменению подверглись все идиомы в связке. Термин «лидеры», обозначающий активную часть общины, вне зависимости от наличия у этих людей формализованных позиций и рукоположения, был заменен на словосочетание «руководители церквей», применяемое по отношению к клирикам. Термин «пасторы», широко распространенный в протестантизме, был заменен на слово «пресвитеры», являющееся более популярным в постсоветских баптистских общинах. Вместо «мирян» были указаны «дьяконы», относимые к числу клириков. Иными словами, при переводе на русский язык клерикализм не только не был подвергнут критике, но напротив – «получил поддержку» авторитетного документа.

Ситуация, отраженная в русскоязычном переводе в качестве нормативной, в языке Джона Стотта обозначается термином «церковное гетто» (ecclesiastical ghettos). Эта идиома при переводе была прямо перенесена в русский текст, что не помешало ответственным лицам внести изменения в другие части Лозаннского Соглашения. В оригинале текста указано, что христиане должны «вырваться из церковного гетто» и «проникнуть» в нехристианское общество. Это «проникновение» предполагает, что

осуществление миссионерских задач возможно только в тесной связке с общественно-политической активностью, проявляемой на разных уровнях и в самых разных формах. Для этого, в свою очередь, требуется признание равенства всех членов церкви, без выделения «более равных». В качестве противопоставления идеи «церковного гетто» была озвучена формула, ставшая девизом Лозаннского Движения: «вся Церковь несет все Евангелие всему миру». В продолжении этой идеи Стотт указывал на необходимость скрупулезности и честности во всем, особенно в финансах и в публичном пространстве, потому что фальсификация фактов служителями может стать причиной недоверия к Евангелию [\[24\]](#).

Одним из ключевых терминов, используемых для раскрытия доктрины «Всеобщего Священства», стало словосочетание «христианский долг». Этот термин в языке Лозаннского Соглашения включает в себя представление о том, что обязанностью христиан в равной степени являются и благовестие, и участие в общественно-политических процессах. Русскоязычный текст содержит близкий к оригиналу перевод, однако отсутствие разъяснений переводит соответствующие фразы в разряд лозунгов. В своем комментарии Стотт уточнял, что подобное представление является логическим продолжением основных христианских доктрин – о Боге, человеке, Спасении и Царстве. Первая доктрина утверждает, что Бог является Творцом всего мира, поэтому люди должны нести свою «социальную ответственность» за творение как часть служения Богу. Так как человек создан по образу и подобию Бога, он должен заботиться обо всем мире. Доктрина о Спасении предполагает противостояние злу во всех его проявлениях, в том числе в социальных и политических. В связке с доктриной о Царстве это означало призыв к борьбе за социальную справедливость во всех государствах мира [\[4\]](#).

Заключение

В протестантских сообществах Лозанское Движение позиционируется в качестве выразителя достаточно консервативных взглядов на различные вопросы – как богословские, так и из иных сфер. Джон Стотт, подготовивший Лозанское Соглашение, сумел зафиксировать в этом документе как совокупность соответствующих протестантских воззрений на устройство Церкви и практику исполнения ее Миссии, так и специфическую политическую программу, призывающую христиан вовлекаться в общественно-политические процессы во всех государствах мира. При переводе на русский язык первая часть была в основном сохранена, однако наиболее острые с точки зрения фундаменталистских кругов вопросы получили значительно меньше внимания. Расхождение в текстах было достигнуто за счет различных искажений – от выбора слова «Соглашение» вместо термина «Завет», что устранило языковую игру сакральных и политических смыслов в названии, до удаления части ссылок на Библию и замены термина «миряне» на «дьяконы», что ликвидировало вопрос о недопустимости клерикализма. Особенно проблемная для фундаменталистов тематика прав женщин в церковных общинах была полностью удалена из русскоязычного перевода Лозаннского Соглашения – ключевого документа протестантских дискуссий.

Исследование показало, что основные искажения при переносе указанных языков из англоязычных дискуссий в Россию связаны не с их непереводимостью, а преимущественно с традиционалистскими взглядами переводчиков и нежеланием упоминать проблемные с их точки зрения вопросы. Ключевые термины, понятия, языковые конструкции и нормы богословских языков, использованных Джоном Стоттом в рассматриваемом тексте, имеют общеупотребительные аналоги в русскоязычных дискуссиях. В случае их использования сохранение политической перспективы при

переносе богословских языков из первоначального пространства в российский контекст было бы вполне возможным, поскольку обозначенные аналоги обладают схожими коннотациями и политическими отсылками. Этого, однако, не произошло, и в качестве официального перевода была опубликована относительно нейтральная церковная декларация. Это стало возможным по ряду причин, во-первых, из-за доверия к региональному директору Лозаннского Движения, впоследствии уволенного по причине утраты доверия, а во-вторых, вследствие отсутствия на тот момент достаточного опыта участия в международных объединениях у русскоязычных протестантов, которые не оспорили перевод в момент публикации, а в последующие годы занимались другими задачами.

Библиография

1. Скиннер К. Истоки современной политической мысли. В 2-х томах. Том 2. Эпоха Реформации. М.: Дело, 2018. – 568 с.
2. Атнашев Т.М., Велижев М.Б. II дискуссия вокруг Кембриджской школы. Интервью с Александром Бикбовым, Александром Дмитриевым и Денисом Сдвижковым // Новое литературное обозрение. 2015. № 4 (134). С. 93-108.
3. Атнашев Т.М., Велижев М.Б., История политических языков в России. К методологии исследовательской программы // Философия. Журнал Высшей школы экономики. 2018. Том 2. № 3. С. 107-137.
4. Егоров С.Ю. Легитимация предпринимательской деятельности в языке современных протестантов в англоязычном мире и России // Современная Европа. 2022. № 2 (109). С. 163-175. DOI: 10.31857/S0201708322020127.
5. Павлов А.В. Приключения метода: Кембриджская школа (политической мысли) в контекстах // Логос. 2018. Т. 28. № 4. С. 261-302.
6. Правилова Е. «Частная собственность» в языках российского общества конца XVIII – начала XIX веков // Новое литературное обозрение. 2015. № 5 (135). С. 88-100.
7. Юрченко Н.И. Влияние Реформации на формирование демократических институтов Европы // Universum: общественные науки. 2017. № 5 (35). С. 4-8.
8. Дементьев Б.П. Реформация: история и перспективы // Власть духовная и светская: взаимодействие в социокультурном пространстве. Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 500-летию Реформации. Самара, 2017. С. 56-64.
9. Собко Л. Реформация 1517 и революция 1917: проблема преемственности // Труды Нижегородской духовной семинарии. 2018. № 16. С. 449-457.
10. Шретер М. Реформация церкви как реформация мысли: Германия, 1517 год // Вестник РХГА. 2018. № 2. С. 156-162.
11. Melton J.G. Encyclopedia of Protestantism. New York: Facts on File, 2005. – 628 p.
12. Cameron J. John Stott and the Lausanne Movement: A Formative Influence // The Lausanne Movement: A Range of Perspectives. Oxford: Regnum Books International, 2014. P. 61-73.
13. Finstuen A., Wacker G, Wills A.B. Billy Graham. American Pilgrim. Oxford: Oxford University Press, 2017. – 336 p.
14. Chapman A. Godly Ambition: John Stott and the Evangelical Movement. Oxford: Oxford University Press, 2011. – 240 p.
15. Tennent T.C. Lausanne and Global Evangelicalism – Theological Distinctives and Missiological Impact // The Lausanne Movement: A Range of Perspectives. Oxford: Regnum Books International, 2014. P. 45-60.
16. Атнашев Т.М., Велижев М.Б. Кембриджская школа. «Context is king»: Джон Покок – историк политических языков // Новое литературное обозрение. 2015. № 4 (134). С. 21-

44.

17. Рягузов В. Библейские основы благовестия // Братский вестник. 1990. № 4. С. 73-82.
18. Escobar S. El volumen titulado En busca de Cristo en América Latina. Buenos Aires: Kairós, 2012. – 495 p.
19. Douglas J.D. Let the Earth Hear His Voice. Minneapolis: World Wide Publications, 1975. – 1471 p.
20. Черенков М.Н. Перспективы теолого-философского диалога в постсоветском протестантизме // SENTENTIAE. 2011. № 2 (25). С. 153-173.
21. Кильдяшова Т.А. Коммуникативные особенности проявления фундаменталистской религиозности // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. 2013. № 3. С. 45-49.
22. Джон Д. Христианский фундаментализм. Сделано в Америке // Страницы: богословие, культура, образование. 2011. № 4 (15). С. 588-596.
23. Горбачев А.Л. Восстановление оснований Всеобщего Священства // Философско-религиозные тетради. Тетрадь № 7. Результаты богословского осмысления темы Всеобщего Священства. М.: МРО ЕХБ «На Руси», 2013. С. 25-38.
24. Егоров С.Ю. Понятие «служение» в языках англоязычных и русскоязычных дискуссий современных протестантов: новейшие дискуссии и тенденции // Социологическое обозрение. 2022. Т. 21. № 2. С. 230-249. DOI: 10.17323/1728-192x-2022-2-230-249.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензия

на статью « Специфика (не)намеренных искажений при трансфере политических языков из англоязычных дискуссий в Россию (на примере Лозаннского Соглашения) »

Предметом исследования являются малоизученные в отечественной науке международные протестантские дискуссии и нарративный анализ соответствующих материалов на примере Лозаннского Соглашения, которое было утверждено участниками Международного конгресса по всемирной евангелизации, состоявшегося в швейцарском городе Лозанна в 1974 году.

Методология исследования включает такие общенаучные подходы, как дескриптивный метод, метод категоризации, метод анализа, наблюдения, синтеза, сравнительно-сопоставительный метод, которые дали возможность рассмотреть искажения, допущенные при переводе Лозаннского Соглашения на русский язык.

Актуальность работы определяется обращением автора к проблеме трансфера политических языков в современных научных дискуссиях в аспекте «правил прочтения» Лозаннского Соглашения, его официальным переводом на русский язык. Автор рассматривает основные понятия Лозаннского соглашения и специфику их перевода на русский язык, а также причину искажений, допущенных при переводе. Например, при переносе идей о всеобщем равенстве из англоязычного документа в другие языковые контексты часть смыслового пласта была утрачена. В русском тексте Лозаннского Соглашения под редакцией Анатолия Глуховского нет ни одного упоминания слова «женщина» или синонимичного ему понятия. Автор объясняет это тем, что в русскоязычном протестантском сообществе к моменту подготовки перевода в нем заметно усилились сторонники радикально консервативных взглядов, поэтому была перевод был сделан максимально нейтральным

Научная новизна работы определяется тем, что в связи с различиями в политическом значении богословских языков в разных дискуссиях представляется интересным выяснить, сохраняют ли протестантские богословские языки свою политическую перспективу при их переносе из первоначального пространства в российский контекст. Автор приходит к выводу, что основные искажения при переносе из англоязычных дискуссий в Россию связаны не с их непереводимостью, а преимущественно с традиционалистскими взглядами переводчиков и нежеланием упоминать проблемные с их точки зрения вопросы. Автор, таким образом, выявляет мировоззренческий характер таких искажений.

Проведенный автором анализ показывает, что при переводе на русский язык наиболее острые с точки зрения фундаменталистских кругов вопросы получили значительно меньше внимания. Расхождение в текстах было достигнуто за счет различных искажений. Особенно проблемная для фундаменталистов тематика прав женщин в церковных общинах была полностью удалена из русскоязычного перевода Лозаннского Соглашения – ключевого документа протестантских дискуссий. работы посвящена мировоззренческому характеру таких искажений, поэтому она носит философский характер.

Статья написана научным языком, претензий к стилю изложения нет. Структура соответствует требованиям, предъявляемым к научному тексту. Возможно

Библиография работы содержит 24 источника, которые отражают актуальную литературу по представленной в работе теме.